

ПЕРВАЯ СРЕДУ ЛУЧШИХ

Татьяна УСТИНОВА

Татьяна Устинова

Тверская, 8

«ЭКСМО»

Устинова Т. В.

Тверская, 8 / Т. В. Устинова — «Эксмо»,

Повесть впервые опубликована в сборнике "Там, где нас нет".

© Устинова Т. В.

© Эксмо

Содержание

1	5
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Устинова

Тверская, 8

1

*«У вас есть братья Карамазовы?»
«Достоевский в отделе русской классики, пойдемте, я покажу».
«Да не нужен мне Достоевский, девушка! Мне нужны братья Карамазовы, ну... то есть их произведения! Что это вы в книжном работаете, а не знаете, ей-богу! Они фантастику писали!»
«Я поняла. Вам нужны Стругацкие, а не Карамазовы. Братья Стругацкие».
«Да какая разница!»
Диалог в книжном магазине «Москва»*

Утро началось не слишком хорошо.

Она приставала, а он все отворачивался. И договориться никак не получалось. Уж и времени почти не осталось, уезжать давно пора, а дело все ни с места.

– Ну, ладно, ну, что ты сердишься?! Я каждый день уезжаю, мне на работу обязательно нужно! Ты же знаешь!

Сопение и больше ничего.

– Да ладно тебе! Чем дольше мы тут с тобой будем разбираться, тем позже я приеду, ты это хоть понимаешь?! Я бы давно уже уехала, и приехала бы пораньше, и мы бы с тобой гулять пошли. В поле. Вчера в поле не получилось, потому что дождь шел, а сегодня точно мы пойдем, я тебе обещаю!

Сопение и некоторое движение спиной, по крайней мере, видно, что слушает, – уже прогресс.

– Ну, давай скорей мириться, и я поеду.

* * *

1991 год

– Девчонки, танки!..

– Какие танки, что ты врешь!

– Да говорю тебе, танки на улице Горького! Прямо у нас под окнами! Не веришь, выйди и глянь сама!

Вмиг всех, кто курил на лестнице, где всегда почему-то был сквозняк, будто сдуло этим самым сквозняком, только каблук зацокали по истертой каменной лестнице.

«Девчонки», от восемнадцати до пятидесяти пяти, сосредоточенно и перепуганно переглядываясь, устремились вниз.

Что такое? Неужели все-таки... Нет, про это и думать как-то страшно. Но неужели все-таки... переворот? Это значит... что? Это значит – гражданская война, что ли?! Вот тут, у нас, в Москве танки?!

В огромном торговом зале было пусто – время смутное, не до книг, хотя именно в этом магазине всегда с утра до ночи толпился народ, с самого пятидесят восьмого года, когда накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции «москвичам и гостям столицы был преподнесен подарок».

Пятого ноября пятидесят восьмого года открылся книжный магазин «Москва».

Тогда любили приурочивать все на свете то ко дню рождения вождя мирового пролетариата, то к очередной годовщине Октября, когда этот самый вождь, хитренько улыбаясь – именно таким хитреньким и добродушным балагуром его почему-то изображали в кино, – взял, да и поставил на дыбы огромную империю. Империя на дыбы поднималась с трудом, оглядывалась, огрызалась, закусывала удила, косила налитым кровью глазом, с трудом дышала – этот, хитренько улыбавшийся, ничего не боялся и знай себе подстегивал, натравливал, интриговал, взывал, писал памфлеты, указывал пути развития, формулировал апрельские тезисы, то и дело ссылаясь на некоего Маркса с его теорией прибавочной стоимости. До Маркса, да и до прибавочной стоимости, империи с ее миллионами серых шинелей, крестьянами, куполами, Троицыным днем и дворянскими усадьбами не было никакого дела. Империя на дыбы поднималась тяжело, как будто предчувствовала страшное, почти невыносимое испытание, уже смутно рисовавшееся впереди в заревах пожаров гражданской войны, в грохоте расстрельных залпов, в столах свергаемых колоколов, в воплях детей и женщин.

Говорят, сам вождь, поначалу ничего не боявшийся и бодро призывавший захватить «почту, телефон и телеграф», замирился с немцами, удержать власть любой ценой, расшевелить, разбудить, расшатать устои, в тот момент, когда империя все же поднялась на дыбы, перепугался, да так, что решил было отыграть назад, да ничего не вышло, слишком поздно он спохватился!.. И ничего он не смог ни изменить, ни поправить, и умер, говорят, в страшных мучениях, как и положено умирать злодеям, и вот теперь, спустя семь десятилетий, до чего дошло – до танков на московских улицах!..

Первой по лестнице скатилась товаровед Нина Иванушкина, навалилась на дверь, держа кольцо кодового замка, который всегда почему-то заедало, и выскочила в торговый зал. Электричество горело тускло, и в помещении оказалось сумрачно, несмотря на то, что лето и середина дня. В магазине было странно тихо, и Нина прежде всего тренированным ухом слышала эту тишину – никогда в торговом зале в середине дня не бывает тихо, если только магазин не закрыт!..

Непривычная тишина была только внутри, а снаружи, наоборот, доносился странный гул, как будто поезд метро, набирая скорость, мчался на станцию «Пушкинская» не под землей, а прямо по улице!

– Ну что там?

Нина оглянулась. Желтая канцелярская дверь с кодовым замком, ведущая в святая святых магазина, в подсобные и складские помещения, – а там материальные ценности, между прочим! – была распахнута настежь. Елена Семеновна, Клара Францевна, Лиза, Ирина Федоровна из бухгалтерии, выскочившие следом за ней, толпились на пятачке между прилавками, вытягивали шеи, как гусыни.

Марины среди них не было.

Нина оглянулась еще раз, чтобы удостовериться. Удостоверилась, что нет, и стала смотреть на улицу.

Покупатели тоже вытягивали шеи и медленно, как в кино, закрывали книги, которые листали, клали их на прилавки и шли к окнам – громадным полукруглым окнам-витринам, в которых к первому сентября обязательно вывешивали сделанные из картона и раскрашенные гуашью кленовые листья, а на Новый год расклеивали гигантские снежинки, очень красиво.

За полукруглыми окнами-витринами прямо по самой середине улицы, переименованной опять в Тверскую в прошлом году, деловито, страшно и шустро ползли танки.

Пятьдесят лет назад все газеты писали: «Сегодня гостеприимно распахнул свои двери новый книжный магазин на улице Горького. Символично, что дом книги получил прописку на улице, названной в честь великого пролетарского писателя. Огромные отделы, большие светлые залы, широкие прилавки – все к услугам москвичей и гостей столицы. Первыми пришли поздравить новый дом книги столичные пионеры и школьники. Специально для них здесь

открыт большой отдел детской литературы. Радуют глаз многочисленные корешки книг с именами любимых писателей – Горький, Островский, Гладков, Кочетов. Специально для гостей из братских социалистических стран есть книги классиков марксизма-ленинизма на болгарском, чешском, польском, венгерском языках».

А сегодня по улицам мимо магазина пошли танки – свои, и это самое страшное!

– Господи Иисусе, – пробормотала за спиной у Нины старенькая Клара Францевна, – это что же такое будет, а? Война, что ли!

– Какая война, типун вам на язык!

– А у меня мальчишка один дома, как бы его не понесло куда-нибудь. Надо ехать. Девочки, как вы думаете, поезда еще ходят?

– Какие поезда?..

– Метро, какие же еще!

– Да туда сейчас и не пройдешь, небось, к метро-то! Я с утра шла, там вовсю митинговали, а сейчас, наверное...

– Он ведь у меня такой, он ведь родину пойдёт защищать! Нет, мне надо ехать, прямо сейчас.

– От кого защищать-то?

– Что?

– От кого родину защищать? Тут поди разберись, где свои, где чужие, от кого защищать, а кого...

– Что тут происходит?

Нина оглянулась и увидела директрису. Она стояла в некотором отдалении, и виду нее был не слишком приветливый.

– Марина! Марина Николаевна, танки!

– Я вижу. Почему дверь в подсобное помещение открыта, девушки? Танки танками, а материальные ценности никто не отменял. Во время инвентаризации недосчитаемся чего-нибудь, скажем – не доглядели, потому что на танки любовались?!

Ирина Федоровна из бухгалтерии пожала плечами и с мстительным видом захлопнула желтую канцелярскую дверь.

Марина, назначенная директором без году неделя, никому не нравилась и всех раздражала.

– Марина Николаевна, как вы думаете, война будет?

Тут повернулись все разом – и сотрудники, и покупатели – и уставились ей в лицо, как будто она знала нечто такое, чего не знает никто, и немедленно должна произнести речь, хотя того самого броневика, немало дел натворившего в истории, в торговом зале не наблюдалось!..

– Никакой войны не будет, – отчеканила Марина как ни в чем не бывало. – Ситуация в стране сложная, все об этом знают. Очевидно, танки вызвали, чтобы поддерживать порядок.

– А на Пушкинской сегодня с утра митинговали, не пройти было, – жалобно шмыгнув носом, сказала та самая сотрудница, у которой мальчишка был один дома. – А сейчас... что же? А если стрелять начнут?

– Не начнут, – так же уверенно сказала Марина, которая понятия не имела, начнут танки стрелять или нет.

– Мне домой надо, а поезда, может, уже не ходят...

– Если ваш дом не за Кремлевской стеной, вы прекрасно доедете, – уверила ее Марина.

– Как за стеной?.. Почему за Кремлевской?

– Потому что танки идут вниз, к Кремлю.

Все посмотрели – и вправду вниз.

– Марина Николаевна, можно мне домой, а? У меня сын...

– Ни за что не отпустит, – шепнула Ирина Федоровна из бухгалтерии Нине Иванушкиной. – Что ей там какой-то сын! Ей главное план выполнить!.. Хоть тут революция, хоть боевые действия, хоть дети плачут!..

– Езжайте, – громко сказала директриса. – Всех остальных прошу не паниковать и не пугать наших покупателей. Что вам показать? – внезапно изменив тон, обратилась она к тишайшему старичку в длинном летнем пальто. Старичок давно порывался о чем-то спросить продавца и как будто не решался.

– Историю государства Российского, Карамзина. У вас есть, деточка?

«Деточка» Марина уверенной рукой взяла старика под локоток и повлекла к дальнему прилавку.

– Все меняется, – бормотал себе под нос старичок, – все меняется, и только люди во все времена остаются одинаковыми! Люди, их стремления и амбиции. Вы не находите, деточка?

– Да-да, – рассеянно подтвердила Марина, прислушиваясь к гулу за окнами.

Чего-чего, а танков никто не ожидал. Может, и впрямь нужно спасаться? Распускать сотрудников, бежать по домам?.. Забаррикадировать окна и двери сваленными в кучу стульями и столами?.. Забить витрины фанерными щитами, как в войну?

И самое главное – что дальше? Как узнать?

Все получилось слишком быстро – Горбачев улетел в Форос, газеты писали нечто невразумительное, но тревожное, и с каждым днем это тревожное все нарастало, и каждый день казалось, что «вот-вот начнется», а что именно начнется, никто не знал. В воздухе, как будто перегретом истерическими выкриками газетных и телевизионных журналистов, носилось предчувствие чего-то страшного, непоправимого, но, тем не менее, необходимого, без чего дальнейшая жизнь уж точно невозможна.

Так жить нельзя, повторяли все, а как можно и должно – никто не знал.

В магазинах не было еды.

На заправках висели объявления «Бензина нет *совсем*», потому что растерянные мужики, просительно нагибаясь к окошечкам и услышав, что «бензина нет», неизменно спрашивали: «Совсем?!»

В программе «Время» объявили, что в Московской области хлеба осталось на три дня, а в Ленинградской на два.

Окраины империи полыхали, и было совершенно очевидно, что вот-вот прорвется именно там, где тонко, что деловитый националистический огонь не сегодня-завтра пережжет спайку, сделанную тем самым балагуром-вождем семь десятилетий назад. «Пятнадцать братских республик» в один день перестанут быть братскими, благополучный фасад треснет, и едкий отвратительный дым, именуемый «национальная рознь», повалит из всех трещин. Бывшие братья – впрочем, республики именовались и так, и сяк, и «сестрами» и «братьями», – начнут воевать друг с другом за все, что угодно: за кусок границы, через которую идут грузы, за газопровод, за ближайшую сопку – вдруг там золото или нефть?!

Все удельные князья, даже самые далекие и бедные, вдруг почувствовали себя императорами. Вдруг оказалось, что они «угнетенные», а «угнетатель» в одночасье ослаб, ткни и развалится!.. Может, до конца и не развалится, но дырка точно будет. И оказалось, что тыкать можно, что за это никто не накажет, не даст по рукам, гигант едва держится на ногах, а из дырок хлещет кровь, и тело его, еще недавно казавшееся прочным, как чугунный монолит, с каждым днем все слабеет и все больше напоминает решето!..

Повсюду были угрюмые лица, горящие глаза, и все говорили – не только на кухнях и на работе, но и на митингах – только об одном: что дальше?

Никто не знал.

Голод? Революция? Гражданская война?

Митинги в последнее время стали таким же привычным и обыденным делом, как и очереди. Только на митинги бегали с гораздо большим энтузиазмом и рвением. Они проходили повсюду, на площадях, возле станций метро, в скверах и парках. Впрочем, очереди тоже напоминали митинги. Там волновались, шумели, выкрикивали лозунги, один нелепее другого. Деньги и в карманах, и в бюджете, таяли, как сахар в чашке с чаем.

Книжный магазин «Москва», смотревший огромными окнами-витринами на улицу Горького, казался осколком «старого мира» – там все так же светили лампы дневного света, казавшиеся когда-то последним достижением дизайна, все так же поблескивали полированные темные прилавки, все так же было набрано золотыми буквами «Общественно-политический отдел», все так же пахло книжной пылью и слежавшейся бумагой. Даже синеватое, как прокисшее молоко, пятно на потолке, которое получилось, когда торговый зал залило кипятком из прорвавшейся трубы, казалось успокоительным и каким-то... своим.

Читателей, правда, стало маловато. Время такое, не до книг. Впрочем, и книг-то никаких не было. То, что читали раньше, во времена застоя, казалось до невозможности глупым и каким-то «нежизненным», и было даже стыдно немного, что еще недавно пьеса про то, как на заводе делят премиальные, считалась верхом фрондерства и гражданского мужества.

Коричневый томик Булгакова, тиснутый в Минске на заре перестройки, разлетелся за считанные часы. В томике было всего два произведения, «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», и ошалевшие от счастья читатели хватали книгу, как хлеб. И, как в очереди за хлебом, пришлось установить порядок, давали по одной в руки. И все равно торговали только полдня, и книги кончились.

В издательствах не понимали, что происходит. Вроде бы все нынче должны работать «по-новому», а как именно никто не знал.

Система рухнула. «Москнига», альфа и омега книжной торговли, огромная и всесильная организация, оказалась не у дел, и люди, годами учившиеся, как продавать книги, вдруг почувствовали себя ненужными и растерянными.

Никто никому ничего не мог объяснить.

Что значит работать «по-новому»? Печатать и продавать то, что на самом деле нужно и интересно народу, и это вовсе не книги пролетарского писателя Горького на языке братского болгарского народа?! Но поверить в то, что *на самом деле можно все*, до конца еще никто не мог.

Что, и Довлатова можно?! И Веничку Ерофеева?! А Шаламова?! Шаламова-то уж наверняка нельзя!.. И Аксенова нельзя, он в Биаррице живет!

Самое ужасное, что и спросить-то было не у кого!.. Идеологический отдел КПСС находился в коме, а сама идеология вроде как умерла совсем, и только грозный призрак ее нависал над издательствами, совершенно потерявшимися в пыльных облаках исторического слома.

«Иностранка» попробовала напечатать Борхеса отдельной книжечкой, на сером газетном срыве, и прошло!.. Ну, тогда – господи, твоя воля, – Кастанеду, и тоже прошло!.. Тут выяснилось, что иностранцев нужно переводить, многих заново, ибо права на переводы принадлежат государству, а государство в одночасье стало ни при чем, и дело застопорилось.

Издательство «Новости», состоявшее при АПНе, зажмурившись и гикнув «была небыла!» – выпустило Дика Френсиса, который раньше выходил только в правильно подобранных сборниках – сто пятьдесят страниц детектива румынского, сто пятьдесят страниц детектива польского, а в середине семьдесят про жокеев, лошадей, загородные дома и пятичасовой чай. Притихнув и заложив уши, издатели долго ждали разгона, и когда его не последовало, расхрабрились и бабахнули Тома Клэнси с его историями о бравых ребятах – цэрэушниках и их победах над коммунистическими режимами то ли Лаоса, то ли Вьетнама. Тома Клэнси раскупили моментально, но продолжать в том же духе не получалось, потому что полиграф-

комбинаты и типографии стояли – не было бумаги, краски, картона, и то, что вчера стоило сто рублей, сегодня продавалось уже за пятьсот, а завтра даже за тысячу!..

Книг почти не было, а те, что были, издатели норовили продать перекупщикам, лишь бы быстрее, лишь бы деньги не сожрала инфляция, какие уж тут книжные магазины!..

Страну шатало из стороны в сторону, как корабль во время шторма, и казалось, что вот-вот завалит окончательно, что вот этот крен она уж точно не переживет, захлебнется и пойдет ко дну, но медленно, с натугой и скрипом, она выравнивалась, только для того, чтобы завалиться на другой борт, с еще большим креном.

Всех колотило как в лихорадке, и только в книжном магазине «Москва» все так же горели лампы, сиял золотыми буквами «Общественно-политический отдел», и даже пятно на потолке казалось родным и привычным свидетельством прошлой «нормальной» жизни.

А магазин между тем тоже лихорадило, да еще как!..

Новая директриса, назначенная без году неделя, никому не нравилась – слишком молода, слишком требовательна, фамильярностей не терпит, не подступишься к ней!.. И хочет невозможного – чтобы план выполнялся, да еще в срок, а какой тут план, когда того и гляди все рухнет, покатится, и не остановишь?! Деньги все считает – на западный манер, должно быть, – и понимать не хочет, что люди к этому непривычные, что все должно идти как заведено, что бухгалтер на любом предприятии если не первый человек, то уж точно второй, от него, ох, как много зависит!.. А новая директриса только требует, как одержимая, а про бухгалтерию однажды выразилась неприлично!..

«Сонное царство», вот как она выразилась про бухгалтерию!

– Надо уходить, – внушали друг другу в курилке на лестнице «девочки» от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет, и со страху курили короткими нервными затяжками и все оглядывались на темный провал короткого коридорчика. Там, в глубине, было логово львицы – кабинет новой директрисы. Туда вызывали «на ковер», там формулировали какие-то небывалые задачи, и все требовали, требовали!..

Нет, девчонки, надо уходить, так больше продолжаться не может!..

Только вот куда уходить-то?! Все рушится, рушится, да и работали здесь, в магазине «Москва», годами и десятилетиями и до тонкостей знали тот книжный мир, который был «до», и даже представить себе страшно, каким он будет «после»!..

И вот сегодня танки пошли мимо их магазина, и неизвестно, пускают ли еще в метро, и телевизор, кажется, больше не работает, а это может означать только одно – все, конец света! А директриса первым делом, конечно же, про материальные ценности вспомнила и открытую настежь дверь в служебные помещения, и сама за чудным покупателем, не вовремя возжелавшим «Историю государства...», зачем-то взялась ухаживать, как будто ничего такого не происходит!..

– Света, – сказала директриса твердокаменным голосом, подводя старичка к прилавку, – Карамзин у нас точно должен быть. Покажите, пожалуйста.

Большеглазая, хрупкая и бледная Света как будто молилась, стиснув на груди худенькие ладошки. Когда подошла директриса, она, сделав над собой видимое усилие, оторвалась от танков за окном и прошептала с ужасом:

– Что будет? Что же это будет, Марина Николаевна?

– Все обойдется, – громко и уверенно сказала Марина. – Карамзина дайте, пожалуйста.

– Ка... Карамзина? – запнувшись, переспросила Света, словно первый раз в жизни услышав такую диковинную фамилию. – Марина Николаевна, но... танки же!

– Танки – это не наше дело, – отрезала Марина. – По крайней мере, пока мы еще на работе. Наше дело как раз Карамзин. Света, вы меня слышите?

Новая директриса практически с первого дня запомнила всех многочисленных сотрудников по именам, даже грузчиков, даже уборщиц!.. Как ей это удалось, так и осталось загад-

кой. Старенькая и душевная Татьяна Викентьевна, чье место заняла молодая и твердокаменная Марина, все время путалась, хотя проработала в магазине без малого двадцать пять лет!..

– Карамзин, – повторила Света, как зомби. – Поняла.

И с тоской оглядела полки, словно не в силах вспомнить, где именно стоит этот самый неизвестно кому понадобившийся Карамзин.

– Да, деточка, – прошелестел старичок, обращаясь к Марине, – нелегко, нелегко, а что поделаешь? Никогда история государства российского не была простой и приятной, и это надо понимать. Но ничего, ничего, и на этот раз обойдется, я уверен!

Марина, которая почти не слушала, бегло ему улыбнулась.

– Я вот с шестьдесят первого года живу здесь, и книжный этот, можно сказать, мой родной, и дети мои тут выросли, и буквари здесь покупали, и учебники, и по подписке Достоевского получали, все, все было!..

– Вы живете в этом доме?

– Да, деточка, я же и говорю! Жена давно умерла, дети... дети что же? У них свои дети уже взрослые, забот полно, не до стариков, и это понятно!

– Вот, – с тоской сказала продавщица и плюхнула на прилавок толстый томище. – Вот Карамзин! Марина Николаевна, что с нами будет, а?..

Марина оглянулась на сотрудников, которые так и не разошлись, только придвинулись ближе к окнам, за которыми все ползли и ползли танки, на немногочисленных покупателей и сказала очень решительно, на весь отдел:

– Магазин будет работать как обычно. Ничего ужасного не происходит, по крайней мере, здесь, у нас. Всеобщая мобилизация пока не объявлена, насколько я знаю. – Она еще раз окинула взглядом отдел и добавила погромче: – Но от окон все же лучше отойти!

Сотрудники, как перепуганные мыши, проворно побежали по своим местам, а старичок, листавший Карамзина, аккуратно закрыл книгу и проговорил тихонько:

– Шуйский являлся одним истинно великодушным в мятежной столице...

Марина посмотрела вопросительно. Она думала, что нужно бы собрание быстренько провести и всех, у кого дети, отпустить по домам, а тех, кто паникует, успокоить или, наоборот, приструнить.

– Что вы сказали?

– А это как раз вот... из Карамзина. Вам ведь, пожалуй, потруднее, чем нам, деточка. Вы за людей отвечаете и за книжный! Наш любимый книжный... – любовным взглядом он обвел глазами полки, застеснялся, вытащил огромный белоснежный носовой платок и деликатно высморкался.

– Вы Карамзина будете брать? – спросила Света. – Тогда в кассу...

– Нет, нет, – спохватился старичок, – благодарю вас! Конечно, у меня есть «История государства российского», и даже в разных изданиях!.. Вы... простите великодушно, я ведь просто так зашел. Привычное и постоянное всегда поддерживает, во всех жизненных коллизиях, а нынче без поддержки трудно.

Под вечер стало еще... труднее.

Нина и Лиза из отдела политической литературы бегали на Пушкинскую, но к метро было не пробраться, на площади шел митинг, волновалась многотысячная толпа, шумела угрожающе, и до «Известий» было не добраться, а именно там, в окнах, вывешивали самые свежие новости и можно было узнать, что происходит.

Танки стояли под окнами магазина, на броне сидели растерянные и в то же время любопытные мальчишки-танкисты, болтали ногами, и было непонятно, надо ли их бояться, этих мальчишек, или по-прежнему «Красная армия всех сильнее», и они... свои.

Впрочем, где свои, где чужие, было не разобрать.

На собрании Марина объявила, что магазин не закроеется.

Ирина Федоровна, главный бухгалтер, фыркнула и повела плечом, и следом за ней фыркнули и повели плечами все остальные сотрудницы бухгалтерии.

– А зачем это нужно? – громко спросила Ирина Федоровна. – Чтобы нас тут всех танками передавили?

Марина помолчала. Противостояние с бухгалтерией началось с первого дня ее работы в магазине и нынче только обострилось.

– Если мы сами не будем под танки кидаться, – сказала она неторопливо, – никто нас не передавит.

Впрочем, она все понимала. Такой уж понятливой уродилась.

Людям трудно принимать и понимать новое, каким бы оно ни было, особенно в этой стране, где с молоком матери всасывалось сознание того, что все перемены к худшему. Иначе и быть не может!..

Если денежная реформа, значит, все останутся нищими.

Если новая конституция, значит, отнимут все права.

Если новый уголовный кодекс, значит, опять начнут сажать.

Марина прекрасно помнила, как ее ленинградская бабушка, собирая отца-военного в очередную командировку, все приговаривала: «Ничего, Коленька, ничего, лишь бы не война!»

Войны боялись больше всего даже те, кто, как Марина, родился спустя десятилетия после ее окончания. По сравнению с войной все несчастья, все неудобства, вся подлость жизни казались сущей ерундой.

И вот танки за окнами. Это что ж такое? Все-таки война?!

Вирус истерии, носившийся в воздухе, отравлял всех – и бухгалтерию тоже! Все сопротивлялись неизвестно чему, просто потому, что сопротивлялись, всем казалось, что задуманные новым директором перемены – к худшему, что нужно спастись самим и спасти старое и понятное, а не заводить ничего нового.

А Марина как раз собиралась «заводить»!..

– Мы будем работать, – твердо сказала Марина, – по крайней мере, пока есть такая возможность.

– А вы уверены, что такая возможность есть, Марина Николаевна? – язвительно спросила бухгалтерша, и все ее сотрудницы тут же скроили язвительные мины.

Марине, которая все замечала, стало смешно.

– Уверена.

Ни в чем она не была уверена, но знала совершенно точно – тот, кто стоит «у руля», не может быть растерянным и подавленным. Руль есть руль, это Марина усвоила еще со студенческих времен, когда лихо гоняла на «Яве». Мотоцикл у нее был старенький, заслуженный, и она его очень любила. Он научил ее простым правилам: всегда держаться за руль, всегда смотреть не только вперед, но и под колеса, никогда не снижать скорость – двухколесная машина держит равновесие только на скорости! – и сворачивать от препятствий куда угодно, только не на встречную полосу.

Выедешь на встречную, погибнешь. Собыют. А на своей мы еще посмотрим.

В данный момент Марина была на «своей полосе» – в своем магазине, среди своих сотрудников, среди своих книг!

Только беда в том, что здесь ее не считают своей!.. Она пришла извне, из всесильной «Москниги», она была просто «чиновник», а это слово было ненавистным всегда, еще со времен Николая Михайловича Карамзина!..

– Вот вы, Марина Николаевна, на себя такую ответственность берете, – продолжала боевая Ирина Федоровна, чувствуя молчаливую поддержку всей бухгалтерской братии, впрочем, там работали сплошь «сестры», – магазин не закрываете, а у нас наличность, между прочим!.. Что будет, если инкассация не приедет? Выручку в сейфе оставим?

– А велика ли выручка? – осведомилась Марина.

Ирина Федоровна немного увяла.

– Да какая бы она ни была, есть правила...

– Сколько?

Сумма оказалась смехотворной, как и предполагала Марина. В стране революция, не до книг!.. Все, работавшие в магазине, прекрасно знали, сколько выручали раньше, до всех событий, и теперь смотрели на директора обиженно, будто заранее готовясь к упрекам, что так мало наторговали.

Марина не сказала ни слова.

– А если сюда ворвутся, что мы будем делать? На охрану надежды никакой нет, это не охрана, а полтора инвалида!.. И стрелять нам не из чего.

– Нам не придется стрелять, – Марина обвела глазами растерянных женщин, – это книжный магазин, а не склад оружия. Зачем к нам врываться? Пока нет никаких особых распоряжений, мы будем работать, а там посмотрим.

Она с детства любила книжки. Это были ее главные сокровища, даже не куклы и не машинки, которые она тоже очень любила. Однажды в школу приехал фотограф из «Пионерской правды», и все долго бегали, суетились, выискивали подходящих детей и подходящие планы – шутка ли, главная детская газета страны!.. В конце концов сфотографировали Марину – она читала что-то октябрятам из своей «звездочки». Так и осталась фотография, на которой она, маленькая, важная, в бантах и надетых по случаю прибытия фотографа белых колготках – дома был страшный скандал, она решительно отказывалась от бантов и колготок и ревела громко, басом, – читает толстую книгу с картинками!..

Она с детства любила книжки и была уверена, что там есть все, что нужно, и даже в эту минуту книжки ей помогли.

В конце концов, она точно знала – именно из книжки! – как поступил Черчилль, когда в Англии, измученной немецкими налетами, бомбежками и голодом, началась паника. Все ждали речи премьер-министра, готовились к ней, строили предположения – может быть, уже пора сдавать остров на милость победителей? Или, наоборот, премьер призовет всех сражаться до последней капли крови, и это будет означать, что враг вот-вот высадится в Лондоне? Или призовет потуже затянуть пояса, потому что еды с каждым днем становится все меньше, а изоляция все плотнее?

Черчилль не сделал ни того, ни другого, ни третьего.

Он произнес в парламенте речь, суть которой сводилась к тому, как именно должны блеснуть пуговицы на мундирах королевских гвардейцев. Премьер подробно растолковал нации, уставшей, испуганной, замученной войной и ожиданием чего-то еще более страшного, свой взгляд на этот вопрос.

Нация, придя в себя от изумления, сообразила, что речь шла вовсе не о пуговицах.

Все не так страшно – вот что сказал премьер. Раз мы можем толковать про пуговицы, значит, жизнь еще не кончилась. Значит, несмотря на бомбежки, карточки и комендантский час, рано сдаваться! У нас еще есть время поговорить о пуговицах, а там посмотрим!

Говорят, даже Гитлер, тоже с нетерпением ожидавший речи британского премьера, прослушав про пуговицы, преисполнился к Черчиллю величайшим уважением.

Марина, хоть и не была Черчиллем, поступила точно так же.

– И вообще, – завершая собрание, сказала она, – нам предстоят большие перемены. У нас в потолке дыра, половина ламп не горит, а на складе, это все знают, стена в таком состоянии, что ее приходится доской подпирать, чтобы не упала. Впереди большой ремонт, и нужно подумать, как его провести без ущерба для магазина. Потому что закрываться на несколько месяцев мы не будем.

Сотрудники разом зашевелились, как в детской игре по команде «отомри». В слове «ремонт» было что-то привычное, знакомое, нестрашное – в общем, из той, прежней, нормальной жизни.

Ремонт хоть и хуже пожара, но точно лучше танков!..

– Какой ремонт? – заговорили все хором. – И как это, магазин не закрывать?

– А как же? Частями, что ли, делать?!

– Да тут никакой ремонт не поможет, дому сто лет в обед, проводка вся наружу висит, как еще пожара ни разу не было, удивительно!..

– А на складе не только стена, там подмокает с левой стороны! Может, и стена пошла, потому что труба сифонит!..

– У нас и сметы нет на ремонт, – выдала Ирина Федоровна громко. – А в обход, противозаконно я ничего делать не буду!..

– Никто ничего не будет делать противозаконно, – возразила Марина, на самом деле чувствуя себя Черчиллем.

Прием сработал безотказно. Все, кто еще пять минут назад собирался воевать и боялся танков, увлеченно обсуждали ремонт. Разумеется, идея никому не нравилась, разумеется, все были против, но так или иначе говорили... о будущем.

Приготовления к преждевременной героической кончине как-то сами собой были отложены.

Что и требовалось доказать.

Пока сотрудники шумели, выражая недоумение, неудовольствие и непонимание, Ирина Федоровна переглядывалась с Еленой Семеновной, и ничего хорошего Марине их переглядывания не сулили.

А впрочем, черт с ними!.. Все равно никто не заставит ее отступить.

Все августовские дни магазин действительно работал, и девочки от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет каждый день исправно являлись на службу, и дежурили возле окон, и утешали немногочисленных растерянных покупателей, и грели в ведрах чай, потому что мальчишки-танкисты, все-таки оказавшиеся своими, очень хотели есть. Дать поесть им было нечего, а насчет чая директриса распорядилась, выдавали его без ограничений.

Революция в стране постепенно затихала, и никто не знал, когда именно она разгорится снова. Вроде бы демократия победила, и вроде бы «здоровые силы» взяли верх, хотя все еще не было до конца определено, и достигнутое равновесие казалось слишком шатким.

Как раз когда внешняя революция приостановилась, в магазине случилась революция внутренняя.

В конце августа вся бухгалтерия в полном составе подала заявления об уходе. Решительная Ирина Федоровна, ни в чем не согласная с директрисой и ее «новым подходом», принесла заявление первой, а за ней потянулись все остальные.

В темном коридорчике, за желтой полированной дверцей, Марина подписывала заявления одно за другим, никого не уговаривая.

Все понимали – это конец.

Завтра магазин «Москва» придется закрыть, по крайней мере, до тех пор, пока не удастся уговорить Ирину Федоровну вернуться обратно – и подсчитать балансы, и свести дебет с кредитом, и дописать отчеты, и выдать зарплату, и сдать выручку, и принять инкассаторов.

А, может быть, даже придется закрыть магазин сегодня!..

Все понимали – такой огромный книжный не может ни дня существовать без грамотной и опытной бухгалтерии.

Значит, все-таки есть силы страшнее танков и революций. И называются они – бухгалтерия?!

2

*«Где у вас отдел русского фольклора?
«А какое именно произведение вам нужно?»
«Вот как раз фольклорное и нужно, девушка!»
«Но какое именно? Сказки? Былины?»
«Не-ет, не сказки, и не были, а песня!»
«Какая... песня?!»
«Так, сейчас посмотрю. Мне нужно фольклорное произведение
„Песня о вещем Олеге“! Есть у вас?»
Диалог в книжном магазине «Москва».*

* * *

– Марина Николавна, в час приедут из мэрии, привезут телевизионщиков.
– Зачем еще?
Помощница позволила себе улыбнуться.
– Они вчера звонили, довольно поздно, я не стала вам перезванивать. Сказали, что делают сюжет ко дню города, а у нас... у нас образцовый книжный магазин! Ну, они и приедут его снимать.
– В час?! У нас в это время всегда народу много, как же они будут снимать? И так теснота страшная!
– Зато магазин образцовый! – Тут помощница засмеялась в голос. – Это они похвалили, а не я хвалюсь, Марина Николаевна!
– Хорошо, что не ты, Ритуля!
– А вечером и утром народу еще больше, так что лучше пусть днем придут.
– Хорошо, в час мэрия и телевизионщики, а дальше что?
– В три издательство «Слава».
– А кто приедет? Сам Слава Волин?
– Да, генеральный. Он не один, с ним еще человек из Совета Федерации. У них новая программа развития чтения в России, и они хотели бы ее с вами обсудить.
– Вот так с ходу – бах, и программа развития чтения в России?!
Помощница Рита выложила на стол перед Мариной две увесистые папки.
Марина покосилась на них с некоторым недоверием.
– В левой программа, которую разработали два года назад, но тогда она так и не пошла. А в правой новая, ее прислали от Волина. Я ее посмотрела, и мне показалось, что она совершенно не отличается от той, которую вы представляли в РКС.
Марина была еще и вице-президентом Российского книжного союза.
– Так, – сказала она и открыла папку. – Это уже интересно.
– Да, Марина Николаевна. В три приедут из Медведкова, Надежда Георгиевна звонила. У них какие-то вопросы. Говорят, без вас не могут решить.
В Медведкове был огромный филиал, книжный магазин, которым Марина очень гордилась.
– А по телефону не могут?
– И по телефону не могут, обязательно лично.
– Лично так лично. А потом?
Тут Рита опять засмеялась.

– Потом у вас обед. Примерно минут пятнадцать, если только Надежда Георгиевна не засидится.

– Да ну тебя, Рита, – сказала Марина и тоже засмеялась. Они работали вместе много лет, понимали и ценили друг друга. – Какой еще обед?!

– В пять встреча с писателем Анатолем Гроссом. Звонил его издатель, очень просил, чтобы вы его лично встретили, Марина Николаевна! Сказал, что будет сегодня в течение дня звонить, видимо, хочет еще и сам просить! Вас соединять?

– Да, – помедлив, сказала Марина. – Да, конечно.

История с писателем Анатолем Гроссом – в прошлой жизни его звали Толя Грищенко – началась довольно давно.

Толя Грищенко, в девяностые годы начинавший как неплохой детективный автор, лет десять назад уехал в Америку и там окончательно понял, что настоящая жизнь есть только в России, а в Штатах все скучно, тускло, фальшиво, и вообще простору мало. Из детективщиков он переквалифицировался в создателя эпических произведений, которые на Западе так и не пошли, несмотря даже на то, что псевдоним у Толи был весьма европейский, а европейские авторы – и псевдонимы! – в Штатах традиционно уважались. Из тусклой и фальшивой Америки Толя по непонятным соображениям все же уезжать решительно не желал, и именно оттуда бомбардировал отчизну «нетленкой». Здесь его издавали, и даже продавали, однако в авторы первой десятки он так и не вышел, и его это, по всей видимости, огорчало.

Марина помнила его разухабистым мужиком, любящим закусить холодную водку салцем с лучком и черным хлебом, и под это дело порассуждать о скорбных делах, творящихся в отчизне, о гибели литературы как таковой и писателей как писателей. Детективы при этом он строчил, будто из пушки, и очень обижался, когда маститые и увенчанные лаврами литераторы называли его произведения «мусором» и «чтением для метро и сортиров». Толя Грищенко, еще не будучи тогда Анатолем Гроссом, заводился с пол-оборота, кричал, что эти самые писатели так ничего стоящего и не создали, а все написанное ими нужно отправить на помойку – и история уже отправилась, и именно туда! Наверное, если бы он продолжал строчить детективы, то прославился бы и вышел в авторы «первой десятки», чего ему очень хотелось, но Толю подкосила очень русская страсть – к мессианству. В конце концов бедолага Толя уверился в том, что чтиво для сортиров и метро действительно никому не нужно, и ударился в «высокое». Для начала он написал роман о гибели планеты – от экологической катастрофы, разумеется. Затем о том, что всех без исключения впереди ждет смерть – мысль не слишком новая и не слишком оригинальная. Про катастрофу еще кое-как прочитали, а про близость смерти почему-то решительно никто читать не захотел, и тогда Толя написал роман мистический. Сей роман на весь мир его тоже не прославил. Дело в том, что доморощенная мистика была никому не интересна, а другую, не доморощенную, голливудскую, Толя писать не умел, да и к тому времени она уже была написана – Стивеном Кингом и Дином Кунцем, которые по определению умели это делать лучше Толи. Тогда пришлось перейти на создание эпохальных и эпических полотен, что Толя и сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.